

Кривоус Татьяна Владимировна

ПОВЕСТЬ О. М. СОМОВА "СКАЗКИ О КЛАДАХ": ОПЫТ ПАРАТЕКСТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА

В статье рассматривается такая паратекстуальная особенность повести О. М. Сомова "Сказки о кладах", как отношение текста к своему заглавию. Установлено, что выразителями точек зрения на достоверность/лжеправдивость преданий о сокровищах выступают рамочные компоненты произведения - заглавие и примечания. В частности, предлагаются жанроопределяющие паратекстные номинации "сказка" - "сказание" и авторские комментарии, обозначенные нами как "целесоопределяющее" примечание-обращение, примечание доказательно-разоблачающее и примечание-высмеивание.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/3-1/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 3(81). Ч. 1. С. 24-27. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**COGNITIVE-PRAGMATIC PROGRAM OF THE LINGUISTIC PERSONALITY OF S. YESENIN:
SUBSYSTEM OF TARGET ATTITUDES**

Ivanov Dmitrii Igorevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Guangdong University of Foreign Studies, People's Republic of China
Ivanovo State University
Ivan610@yandex.ru

Lakerbai Dmitrii Leonidovich, Ph. D. in Philology
Ivanovo State University
lakomotion@yandex.ru

Within the framework of the metadisciplinary theory, developed by the authors of the article, a new methodology for the analysis of complex cultural phenomena is proposed. In particular, the life of the artist – myth-creator is determined by the cognitive-pragmatic program of the synthetic linguistic personality, which constitutes the basic construction of a synthetic text (unity of poetry and life) of the poet. The authors examine the subsystem of target cognitive-pragmatic attitudes in the poetry of S. Yesenin, connected directly with modernist life and creative activity and “creation of tradition”.

Key words and phrases: synthetic phenomenon; logocentric model of synthetic linguistic personality; modernist life and creativity; cognitive-pragmatic program; constructive and destructive cognitive-pragmatic attitudes; Sergei Yesenin.

УДК 8; 82.09

В статье рассматривается такая паратекстуальная особенность повести О. М. Сомова «Сказки о кладах», как отношение текста к своему заглавию. Установлено, что выразителями точек зрения на достоверность/лжеправдивость преданий о сокровищах выступают рамочные компоненты произведения – заглавие и примечания. В частности, предлагаются жанроопределяющие паратекстные номинации «сказка» – «сказание» и авторские комментарии, обозначенные нами как «целеопределяющее» примечание-обращение, примечание доказательно-разоблачающее и примечание-высмеивание.

Ключевые слова и фразы: О. М. Сомов; повесть; «Сказки о кладах»; паратекстуальный анализ; жанроопределяющие лексемы «сказки»; «сказания»; авторская ирония; авторские примечания; языковой маркер.

Кривоус Татьяна Владимировна

Школа педагогики (филиал) Дальневосточного федерального университета в г. Уссурийске
t.krivous@mail.ru

ПОВЕСТЬ О. М. СОМОВА «СКАЗКИ О КЛАДАХ»: ОПЫТ ПАРАТЕКСТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Интерес к фантастическому началу в образах и сюжетах художественных произведений 20-30-х гг. XIX века обусловлен зарождением в России романтического направления. Отличительным знаком эпохи становится всеобщее увлечение фольклором, ведущие мотивы которого получают широкое развитие в появившемся новом жанре – «таинственная» проза.

Одним из ярких представителей литературного движения первой трети XIX века исследователями, например О. Б. Костылевой, справедливо называется О. М. Сомов – автор «Малороссийских былей и небылиц», которые послужили одним из источников создания фольклоризированной основы к будущим «Вечерам на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя [2].

По мнению О. Б. Костылевой, внедрение Сомовым в ткань произведений мифологических сюжетов в их “чистом” виде, – один из отличительных авторских знаков писателя [3]. Мы считаем, что такая манера обращения с фольклорным материалом наиболее выразительно раскрывается в повести «Сказки о кладах», где в одном из примечаний писатель объясняет целеопределяющую функцию такого индивидуально-авторского подхода к прочтению мифологических текстов: «...собрать сколько можно более народных преданий и поверий, распространенных в Малороссии и Украине между простым народом, дабы оные не вовсе были потеряны для будущих археологов и поэтов» [6, с. 359].

Оговоримся, что сюжетобразующий фантастический элемент, включенный Сомовым в «Сказки о кладах», ученые анализируют с разных точек зрения. Так, М. И. Журина обращает внимание на специфику изображения Сомовым мифологического образа знахаря-колдуна, проводя мысль о том, что в трактовке данного персонажа романтик наследует фольклорные традиции. Визит за помощью к иномирному представителю, как утверждает литературовед, не сулит для обратившегося ничего доброго, ведь демонические услуги доступны только тому, кто отречется от веры в Бога [1].

О. Б. Костылева, в свою очередь, раскрывает один из ключевых, по ее мнению, приемов художественного письма Сомова, обозначенных ею как «развенчивание мнимого мистического сюжета с помощью шутки», когда ирония выступает ключевым обличителем чудесного именно в «Сказках о кладах» [2].

Между тем «коммуникативный ресурс» указанной повести Сомова, характеризующий природу фантастического в произведении, пока не исчерпан. В частности, смыслообразующая функция ирреального в «Сказках...» нуждается, на наш взгляд, в более подробном рассмотрении. Поскольку «фольклорно-кладовое» присутствие эксплицитно обозначено заглавием произведения, паратекстуальное исследование, а именно изучение взаимодействия текста с его названием с учетом смыслообразующих импульсов прецедентного феномена, мы сделали основой настоящей статьи.

«Кладовая» эмблематика заглавия «Сказок...» предопределяет раскрытие неизменно сопряженной с легендами о подземных сокровищах темы власти нечистых денег над людьми. Закодированная под лексемой «клад» непреложная сделка человека с чертом ради обогащения («каждый клад охраняет нечистая сила», по мнению Т. А. Новичковой [4, с. 219]) расценивается главным героем повести, майором, как последнее средство разрешения сложившихся денежных проблем. Золотая лихорадка, завладевшая сознанием помещика, предопределена естественным желанием любящего отца обеспечить свою дочь Ганнусю достойным приданым, чтобы та удачно вышла замуж.

Однако такое отношение к подземному сокровищу как к сбережению, припрятанному на «черный день», разделяют в произведении не все герои. По справедливому наблюдению О. Б. Костылевой, в «Сказках о кладах» Сомова отчетливо визуализируются как минимум две противоположные точки зрения на достоверность/лжеправдивость сказаний о сокровищах [2]. Наивно-простодушная убежденность в непреложной подлинности преданий раскрывается в мировоззрении рассказчика, майора и представителей тайного совета «горе-кладоискателей». В свою очередь, автор, а также поручик Левчинский, выразитель сомовской позиции, не скрывают доброй иронии, наблюдая за бессмысленными стараниями искателей сокровищ найти легкий путь к обогащению.

По нашим наблюдениям, маркером добродушно-ироничного отношения Сомова к людским суевериям выступают рамочные компоненты текста: заглавие и примечания.

В заглавие повести «Сказки о кладах» Сомов выносит жанроопределяющую лексему «сказки», маркирующую непреложную вымышленность включенных в сюжет историй о кладоискании, главная цель которых – развлечь читателя посредством игры с его собственным воображением.

При этом отметим, что отличительные характеристики сказки как фольклорного жанра (развлекательность, сопряженная с воспитательной направленностью, и открытая установка на вымысел рассказываемого) были обозначены В. Я. Проппом только в середине XX века [5, с. 25-26]. Однако специфические черты народного жанра намечены Сомовым, как нам кажется, еще в первой половине XIX века, в частности в «Сказках о кладах». И оценочная лексема «занимательная», выступающая в произведении романтика языковым маркером увлекательности беседы капрала Федора Покутича с Максимом Кирилловичем Нешпетой о всяких былях и небылицах, – прямое тому доказательство [6, с. 349].

Следует обратить внимание и на тот факт, что паратекстуальная номинация «сказки» выполняет в повести сюжетообразующую функцию. Так, финальные события, к примеру «избавление» майора от «кладозависимости», обнаружение им истинного сокровища – наследства деда, а также свадьба влюбленных друг в друга Ганнуса и поручика Левчинского, мы можем назвать авторски-модифицированными сказочными мотивами.

Вместе с тем мы встречаемся в повести «Сказки о кладах» с еще одной жанроопределяющей номинацией – «сказание». Ввиду того, что содержание «небольшой полусотлвевшей тетрадки», найденной майором в сундуке своего деда, именуется рассказчиком «сказаниями о кладах» [Там же, с. 342], данную лексему мы можем назвать «внутриповестным» паратекстным элементом.

Дифференциация паронимичных заголовков («Сказки о кладах» / «Сказания о кладах») предопределена особенностью отношения к чудесному автора – с одной стороны, а с другой – рассказчика, майора и «знающих» представителей всего организованного им тайного совета «горе-кладоискателей».

Если рассмотреть, что лексема «сказки» репрезентирует авторскую точку зрения на природную «лжедостоверность» преданий о подземных богатствах, то номинация «сказания», то есть «жанровое обозначение рассказов, выдающихся за историческую истину, а иногда и действительно ее отражающих» (согласно В. Я. Проппу [5, с. 42]), раскрывает позицию героев-кладоискателей, убежденных в исторической правдивости каждого слова рукописи. Доказательством последнего выступает обращение майора к старому капралу: «– У меня есть на примете кое-какие кладушки, и можно бы за ними порыться...» [6, с. 351].

Чрезмерную самоуверенность Максима Кирилловича в том, что он без труда отыщет все сокровищесодержащие места, подробно описанные в тетрадке, маркируют, по нашему мнению, лексемы «на примете», «кое-какие кладушки», «порыться», что придает речи майора некую фамильярную окраску. Самонадеянная интонация высказывания героя обусловлена фантазиями, завладевшими разумом Максима Кирилловича. В мечтах он уже давно распоряжается виртуально-добытыми подземными сокровищами: «...исчисляет в уме богатые свои добычи, покупает поместье за поместьем. Ганнусю выдает то за какого-нибудь миллионщика, то за пышного вельможу; сыновей женит на княжнах и графинях и таким образом роднится с самыми знатными домами в русском царстве» [Там же, с. 375].

Примечания, данные Сомовым в «Сказках о кладах», – еще один «рамочный» обличитель доброй авторской улыбки, обрамляющей каждое народное предание, помещенное им в повесть. Нами выделены следующие номинации: «целоопределятельное» примечание-обращение, примечание доказательно-разоблачающее и примечание-высмеивание.

Во-первых, «целоопределятельным» примечанием-обращением можно назвать авторский комментарий, где Сомов раскрывает цель, преследуемую им в «Сказках...»: «...собрать сколько можно более распространенных

в Малороссии и Украине народных поверий и преданий», которые «с распространением просвещения вовсе исчезнут» [Там же, с. 359]. Лексема «просвещение» выступает в данном случае языковым маркером «антиправдивости» народных сказаний, которая при рационалистическом подходе к их содержанию непременно обнаружится.

Во-вторых, к доказательно-разоблачающим мы относим примечания, посредством которых писатель сначала подтверждает действительное существование рукописи о кладах («сочинитель сей повести назад тому лет двадцать видел ее у одного украинского помещика»), а затем же и разоблачает достоверность представленных в ней свидетельств о нахождении неким «попутчиком Сагайдачного Шляха» [Там же, с. 342] скрытых сокровищ Худояра. Рукопись же и стала прототипом волшебной майоровой тетрадки, наполненной сказаниями о кладах. Доказательный аспект, следовательно, раскрывается посредством субъективной авторской оценки неподдельности рукописи, что подтверждают, по словам Сомова, такие детали, как «древность и ветхость бумаги, почерк руки и крайне полинявшие чернила, особливо старинный язык ее, смесь русского с малороссийским» [Там же].

Разоблачение же «лжесвидетельского» ее содержания осуществляется Сомовым посредством комментария, рассказывающего о легендарной фигуре малороссийского разбойника Худояра, прославившегося, по народным толкам, тем, что «он закапывал в разных местах Малороссии богатые свои добычи». «Сумеречные» языковые маркеры («как думают», «говорят») свидетельствуют скорее о вымышленности такого персонажа, чем о его достоверности [Там же, с. 343].

Псевдоправдивость рукописных свидетельств о нахождении когда-то кем-то подземных богатств обличают безуспешные кладоискательные эксперименты майора, осуществляемые им строго в соответствии с сокровищесодержащими урочищами, описанными в тетрадке.

Ирония, как художественный прием, выступает в повести на первый план. Апогеем авторской ироничности справедливо можно назвать эпизод, рассказывающий о том, как поручик Левчинский, точно следуя по указанному в рукописи маршруту к Худояровым сокровищам, вынужден был инсценировать сакральное мастерство в кладоискании с помощью «волшебного» прутика и человека, «знающего», как «отыскивать жидовские похоронки фуража и провизии» [Там же, с. 427].

Такая театрализованная постановка, спланированная Левчинским, была предопределена безотлагательной необходимостью спасти майора от разрушающей его внутренний мир «кладозависимости». Ежедневные поиски сокровищ, не приносившие, естественно, никаких результатов, превратили помещика из «хлебосольного пана и крайне неумолимого охотника» [Там же, с. 337] в «молчаливого и угрюмого человека» [Там же, с. 412]. Завершающим служит эпизод, когда, вконец разорившись, он посвящал себя не восстановлению хозяйских угодий, а поиску «синей птицы» в образе клада.

Задумка Левчинского выдать собственноручно закопанные в обозначенном месте деньги за сокровища Худояра принесла желаемые плоды. Узнав реальный источник появления золота и серебра, майор благодаря рационалисту Левчинскому осознает, что попался на шутку «какого-то проказника, вздумавшего обещать добрым людям золотые горы там, где, кроме черепья да песку, ничего не бывало!» [Там же, с. 430].

В-третьих, к примечанию-высмеиванию мифологизированного мировоззрения простодушного народа мы относим пояснение, данное Сомовым к первому рассказу старого капрала о так называемом самооявляющемся или «живом» кладе (обозначение Т. А. Новичковой) [4, с. 220].

Обратимся к истории старушки, которая, став хозяйкой такого типа сокровища, в одночасье превратилась из нищей, живущей на подавание, в богатую женщину. Согласно ее рассказу, по кладу, в третий раз явившемуся ей в образе «белой курицы со светлыми глазами», она, «положив на себя крестное знамение, ударила по самому гребню, и рассыпались перед нею крупные и мелкие серебряные монеты» [6, с. 358].

История чудесного обогащения бедной женщины полностью соответствует фольклорным представлениям славян о живом кладе, который, согласно толкованию Новичковой, «сам находит свою избранницу и рассыпается на золотые и серебряные деньги, стоит только один раз ударить его левой рукой наотмашь, сказав: “Аминь, аминь, разаминься!”» [4, с. 221].

Приведенный пример раскрывает добродушно-ироничное отношение автора к вере простодушных людей скорее в ирреальное объяснение событий, чем в рационалистические причины произошедшего. Согласно разумному предположению Сомова, женщина, разбогатевшая «античудесным» путем («почти целый век бродив по миру, одряхлев, жила безбедно вымоленными деньгами»), вынуждена была заблаговременно выдумать более правдоподобную для обывательского мировоззрения фантастическую историю о своем внезапном обогащении [6, с. 353].

Таким образом, паратекстуальное рассмотрение повести О. М. Сомова «Сказки о кладах» позволяет утверждать следующее. Наполняя содержание произведения преданиями о подземных богатствах, писатель преследовал несколько целей: во-первых, превратить свою повесть в сокровищницу народных знаний о кладоискании; во-вторых, орнаментировав добродушной иронией введенные в текст элементы фольклора, раскрыть специфику мифологического взгляда суеверного народа на реальность; и наконец, провести мысль о том, что не обязательно обладать сакральными знаниями в кладоискании, чтобы обнаружить истинное сокровище.

Список источников

1. **Журнина М. И.** Народнопоэтические истоки образа знахаря-колдуна в произведениях О. М. Сомова [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/narodno-poeticheskie-istoki-obraza-znaharya-kolduna-v-proizvedeniyah-o-m-somova> (дата обращения: 02.12.2017).
2. **Костылева О. Б.** На перекрестке литературных дорог: фантастическое и реальное в прозе О. М. Сомова [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/na-perekrestke-literaturnyh-dorog-fantasticheskoe-i-realnoe-v-proze> (дата обращения: 02.12.2017).

3. Костылева О. Б. О. М. Сомов и Н. В. Гоголь [Электронный ресурс]. URL: <http://docplayer.ru/28875080-O-m-somov-i-n-v-gogol.html> (дата обращения: 21.12.2017).
4. Новичкова Т. А. Русский демонологический словарь. СПб.: Петербургский писатель, 1995. 640 с.
5. Пропп В. Я. Русская сказка (Собрание трудов В. Я. Проппа). М.: Лабиринт, 2000. 416 с.
6. Сомов О. М. Сказки о кладах // Страшное гадание: сборник / ред. Н. Гусарова. М. – Владимир: Астрель; АСТ; ВКТ, 2011. С. 337-442.

THE STORY OF O. M. SOMOV “TALES OF TREASURES”: THE ATTEMPT OF A PARATEXTUAL ANALYSIS

Krivous Tat'yana Vladimirovna

*Pedagogy School (Branch) of the Far Eastern Federal University, Ussuriysk
t.krivous@mail.ru*

The article deals with such a paratextual peculiarity of O. M. Somov's story "Tales of Treasures" as the relation of the text to its title. It is established that the framework components of the work – the title and notes – are the exponents of the points of view on the reliability / falsehood of the legends about treasures. In particular, the paper offers genre-defining paratextual nominations of "fairy tale" – "legend" and author's comments, designated by us as "purpose-defining" note-appeal, a proving-exposing note and a note-ridicule.

Key words and phrases: O. M. Somov; story; "Tales of Treasures"; paratextual analysis; genre-defining lexemes of "tale"; "legends"; author's irony; author's notes; linguistic marker.

УДК 82-311.3:82.09

Статья посвящена анализу шпионского романа Йоханнеса Марио Зиммеля в немецкой литературе периода «холодной» войны. Проанализирована жанровая доминанта шпионских романов Й. М. Зиммеля, осмыслена специфика жанра шпионского романа середины XX века в контексте происходящих исторических событий с учетом факта причастности писателя к деятельности немецкой спецслужбы. Установлено, что жанр шпионского романа являлся оптимальным для выражения идеологии «холодной» войны в немецкой литературе и литературе западных стран, когда в литературном сознании формировался образ врага, выявленно-го и поверженного защитниками системы.

Ключевые слова и фразы: Й. М. Зиммель; жанр; жанровая доминанта; жанровая идентификация; шпионский роман; герой.

Лятифова Лиля Ислямовна

*Крымский инженерно-педагогический университет, г. Симферополь
lilja@mail.ru*

ШПИОНСКИЙ РОМАН ЙОХАННЕСА МАРИО ЗИММЕЛЯ В НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРИОДА «ХОЛОДНОЙ» ВОЙНЫ

Шпионский роман – «молодое» явление, которое не имеет теоретико-литературной рецепции в широком смысле. Период «холодной» войны послужил основой для его развития. Масштабные изменения в политике, произошедшие после Второй мировой войны в Европе, способствовали как изменениям художественных систем, так и появлению новых форм. Появились сатирические рассказы, романы, в которых описывались исторические события, а недавнее прошлое стало основой для размышления о настоящем. Й. М. Зиммель является одним из наиболее успешных представителей немецких авторов шпионского романа. Отсутствие же исследований его шпионских романов на уровне жанра, в свою очередь, обуславливает актуальность данного исследования.

Окончание Второй мировой войны, как пишет М. В. Норец в монографии «Генезис жанра шпионского романа в английской литературе», «стало своеобразным рубежом нового времени и нового мира. Писатели, озабоченные утратой традиционных ценностей, были вынуждены констатировать, что процесс распада прежних идеологем, очевидный уже в начале столетия, продолжался. Пафос переустройства общества объективно завершился в 50-е годы (время исчезновения колониальной системы, противоборства двух лагерей, привлекательности социалистической идеологии), сменился пониманием того, что XX век, уничтожив в самом начале старых богов, не пощадил и новых» [6, с. 196].

В российском литературоведении рассматриваемой проблеме были посвящены публикации М. Хосты и А. Верховского [8], в 2005 г. А. П. Саруханян в словарной статье о шпионском романе отмечает, что «рассвет шпионского романа пришелся на десятилетия “холодной войны”» [10, с. 145].

Сюжетную линию немецкой литературы определяли реалии «холодной» войны, которая включала в себя такие направления и темы, как портретные образы восточного противника, темы ядерной и бактериологической войны, описания политических режимов на периферии глобального мира. Портретные изображения